

17.09.05

13

Мирюс Евгении

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Сколько раз вы ни позвоните народному артисту и неисправимому холостяку Евгению МИРОНОВУ, столько раз вам ответит приятный женский голос. Это его мама. Она вас выслушает, все взвесит и уж потом, если повезет, допустит до “тела”.

В последнее время про него чего только не писали, с переходами от подобоострастной восторженности до презрительной скандальности. И Тамара Петровна заняла оборону: “Оставьте Женю в покое! Я не буду с вами разговаривать!” Ей до сих пор звонят по десять раз на дню, добиваясь откровенный о жизни звездного сына. Она отказывает и ругается. Мы прошли ее телефонный “фейс-контроль” только с третьего раза.

В строчках светской хроники читаешь: “На фестивале актер Безруков прибыл с женой, режиссер N с другом, а актер Миронов с мамой...”

Женя так готовился к рождению племянника, что даже видел “пророческие” сны.

Тамара Петровна играла летчицу — правда, в самодеятельном театре.

Почему для состоявшейся звезды и члена Совета по культуре и искусству при Президенте России мамино общество куда приятнее любого другого? Тамара Миронова согласилась открыть некоторые из больших семейных тайн.

ДЕД

— Среди ролей любимого сына есть та, что нравится больше остальных?

— Гамлет. Спектакля уже нет, а мне кажется, что Женя не наигрался.

— Вроде бы Гамлет ему тяжело достался, даже до санаторного лечения дело дошло, а вам все равно эта роль нравится...

— А кто ему легко достался? Каждую строчку он пропускает через себя. Мы с ним репетируем, и я это вижу. Женя очень самокритично к себе относится.

— Он рассказывал, как вы с ним всего “Идиота” выучили.

— Не только. И Гамлета учили. Я и за Офелию, и за Лазарта реплики проговаривала.

— Смотрела фильм “Побег” Кончаловского...

— А сейчас он снимается в еще более нетипичной роли — бандита играет! Перекрасился в блондина, приехал, и я его не сразу узнала даже. Игру-то его я всегда оцениваю на “пять”, а вот фильмы нравятся не всегда.

— Не предлагаете сыну сбавить обороты?

— А как же! Про режиссуру ему говорю, про преподавание. Но Женя всегда успокаивает: “Мам, это все скоро кончится”. Я вижу, что он готов к режиссуре, но, видимо, пока не наигрался. И я не могу его сдерживать, не имею права.

Знаешь, я просматриваю огромное количество фильмов, и есть ведь такие актеры — не играют, а живут. А есть — что и не играют даже, а так, текст говорят. Мне жалко талантливых ребят, которым дают один-два фильма сыграть и задвигают в угол.

— Почему?

— Да не почему! Родни у всех много.

— Ваш же пробился.

— Да, Женю никто не толкал, да и некому было. Я уверена в том, что он пробился только своим талантом. Он работая, такого второго еще поискать надо! Постоянно читает, что-то придумывает, образы ищет. Так лбом и пробивал себе дорогу.

Таких не берут в космонавты

— В детстве ставили сына на стульчик, чтобы он гостям стихи читал?

— Не ставила. Женя играл на аккордеоне, на бубне, устраивал спектакли. В школе он писал сценарии, раздавал роли, не забывая оставлять себе главную. Однажды он поставил “Красную шапочку”, сам читал, играл на пианино, режиссировал. Репетировать обычно приходили к нам, поэтому я только бутерброды резать успевала.

— А статься он хотел только артистом или были варианты?

— Он артист и всегда им был. Они с сестрой постоянно наряжались, Женя ходил по дому с кинжалами, придумывал себе плащи какие-то, то есть изображал. Оксана тоже видела себя

НЕ ОДНОГО АКТЕРА

только балериной. С маленького возраста растяжкой занималась. Она от природы не очень пластичная, поэтому ей все непросто далось. Помню, “лягушку” делает, плачет... Женя ей помогает. Сейчас у Оксаны своя балетная школа в Москве, 80 детей учатся. Она у меня тоже девочка целеустремленная.

— Неужели легко посадить мальчика за аккордеон?

— Женя очень послушный. Я говорила, и он слушался. Они же у меня такие... Поверишь, не могу припомнить ни одного случая, когда бы они с Оксаной поссорились. Они и сейчас постоянно друг о друге беспокоятся, звонят, разговаривают, советы дают по работе. Это что-то! Я такого уважения и взаимопонимания еще ни у кого не видела. У них разница шесть лет, — Тамара Петровна улыбается. — От теплых ползунков у Оксанки на ножках оставались байковые катышки, так он их снимал. Женька про себя так и говорил: “Няня пошел в школу!” Однажды у меня палец на руке разболелся, и я попросила Женю помочь со стиркой Оксаниных колготок. Боже ж ты мой, какая была картина: маленький, тоже в колготках этих смешных, сядет на краешек ванной и стирает. Так и стирали — день он, день я.

Мы все очень домашние. Если я садилась вязать, ребята тоже брали спицы. Семечки и те всегда грызли вместе.

Папа артиста Миронова, ныне, увы, покойный, работал в “Табакерке” рядом с сыном, что называется, по практической части — был мастером на все руки, мог и починить, и отвезти. А Тамару Петровну Олег Павлович взял в театр билетером, но творческого запала она не растеряла. Запросо выскажет мнение по поводу спектакля, а то и даст совет, ну хотя бы самому Табакову.

— Женя тоже умеет вязать?

— Да.

— Не может быть, чтобы за все детство не было ни одного ЧП: он что, не падал с заборов, не курил, не таскал соседские яблоки?

— У Жени было настолько скромное детство, что не могу припомнить ничего подобного.

Мама Евгения Миронова раскрыла семейные тайны только “МК”

ударить?” И влепила ему по уху так, что парень упал. Потом попросила у него прощения, но пообещала, что, если он еще Женю тронет, голова у него будет там, где попа. Я ждала, что придут Генины родители, но никто не пришел, и избивания прекратились.

— А сейчас, когда сына обижают, вы как реагируете?

— Не вижу, чтобы его обижали.

— В прессе появилось много скандальной информации: то о связи Жени с артисткой Бабенко, а то и вовсе — с актером Астаховым. И каждый раз авторы приводят ваши комментарии.

— Откуда они только берут комментарии эти! Я или трубку кладу, или говорю, что все вопросы к Жене. Я же не знаю, хороший человек Астахов или плохой, я и узнавать этого не хочу. Приходил — кормила, поила. И все. К нам много кто заходит, сценарии обсуждают, разговаривают, репетируют. Я обычно ухожу в свою комнату, чтобы не мешать.

— Как вы переносите этот информационный вал?

— Никак. Теперь уже никак. А раньше переживала. В одну газетенку даже с мужем поехала, что-то думала им доказать. Их журналистка мне звонила, и я сказала ей два слова, а напечатало двадцать два. Так они мне тогда заявили, что это их хлеб. Но как такой грязный хлеб поперек горла-то не встанет!

— Всегда можно судиться.

— Журналистка эта оказалась беременной. Ну что ж я, беременную девочку в суд поташу?

— Если не ошибаюсь, ваш идеальный ребенок курит?

— Очень мало. Жене было двадцать лет, когда он сказал: “Мама, можно я буду чуть-чуть курить?”

— Ну да бросьте, наверняка втихаря покуривал.

— Исключено. Я же всегда приноживалась, когда Женька или Оксана откуда-то приходили! А тогда Женя объяснил, что не хочет от меня что-то скрывать, но собирается быть как все люди,

то есть курить. Но до этого — ни-ни. Он даже с Оксаной на эту тему разговаривал. Женя ей так и говорил: “Оксана, не надо курить. Это же все шлуха”. Он старался ей внушить, что девочка должна быть чистоплотной, делать все по порядку — например, сначала прибрать на столе, а потом уж садиться за уроки.

В театральных кругах ходит байка: на спектакле, в котором участвует актер Миронов, с его мамой рядом лучше не садиться. Иначе проблематично будет уйти даже в туалет. Тамаре Петровне кажется, что эпизоды игры ее талантливого сына пропускать нельзя, и она искренне спасает зрителя от такого опрочечивого шага.

— Вы строгая мама?

— Никакая я не строгая. Я все контролировала, потому что у меня к жизни очень внимательное отношение. Оступиться — это в один момент, а расхлебывать будешь всю жизнь. Если ребенка упустить, улица мигом его воспитает. Нас в семье было восемь человек детей, и я не могу вспомнить такого, чтобы мама кого-то из нас налупила. Но она была такой же мамой, как я. Пристально следила за жизнью детей. Я из своего детства знаю, что помню? Мама грела стул чайником, чтобы я садилась на теплое. И мою школьную форму грела над плитой, чтобы тепло было надевать. А я говорила: “Мама, когда я вырасту и у меня будут дети, я стану так же делать”. И ведь делала! Женя потом мне выговорил: мол, зачем такую теплицу устраивала, теперь у меня чуть что — и простуда готова! А я же не знала, хорошо это или плохо, тепло — и ладно. Оксана моя в этом плане, конечно, молодец. Она Тимошку с трех месяцев в бассейн водит, водой холодной обливает, они ныряют вместе! Он такой бутуз загорелый, по траве сейчас носится как вихрь, в восемь месяцев ходил уже.

Она была актрисой...

— Читала, что вы работали электросварщиком. Это правда?

— Не работала. У нас на территории военного городка Татищево, где мы жили, был филиал предприятия по изготовлению праздничных гирлянд. Я припаивала к гирляндам звездочки, то есть была электродчицей. Женя с Оксаной приходили мне помогать. Работала я неполный день, потому что, сама понимаешь, двое детей, муж, две собаки. Потом стала лаборанткой, но работать не хотелось, потому что единственное, кем действительно хотелось стать, — это артисткой. Это моя боль. Я так и говорила Жене: “Я не дошла, дойди ты!” Играла в Доме офицеров в самодеятельном театре, но потом вышла замуж, и муж меня оттуда забрал. Говорил, что там в основном офицеры и, в общем, мне там делать нечего.

— Кого играли?

— В спектакле “Ночные ведьмы” про летчиц отряда Марины Расковой у меня была роль младшего лейтенанта Ветровой.

— Вы легко переехали в Москву?

— Оксана поступила в Ленинградскую академию балета, и отец поехал туда. Надо было зарабатывать, и муж быстро нашел работу — руки-то золотые. Потом заболел Женя. Я думала, все обойдется, но муж позвонил: “Срочно выезжай, иначе потеряешь сына”. Я в три дня уволилась и поехала в Москву. Женя заболел сильно: аппендицит плюс в больнице ему занесли гепатит. Врач, кстати, не скрывал, что это его оплошность. Мы тогда, конечно, судиться не стали, выходить бы. Сыну был нужен режим, хорошее питание, а он только закончил учиться у Табакова, жил в театральном общежитии. Я на все это посмотрела: кругом чужие люди, он тут никому не нужен... И осталась. Правда, поначалу думала, что поживу пару месяцев и уеду, но так получилось, что осталась насовсем. Хотя, бываю, и сейчас говорю: “Жень, отпусти”.

— Про ваши телефонные перезвоны легенды ходят.

— Где бы он ни был — за границей ли, здесь ли, — Женя мне обязательно звонит, и не один раз в день. И я такая же. Мне все равно, где он, с кем он, но он должен позвонить, потому что мне нужно слышать, что с сыном все в порядке.

— Тамара Петровна, но ему же сорок лет!

— Сорок не сорок, для меня же он все равно мой мальчик, сын. Ведь случись чего, даже в Москве, и не будешь знать, в каком районе искать, город-то огромный. Я никогда не полезу в жизнь моих детей, не буду мучить расспросами, но я должна знать, где они находятся. Такой уж я человек. С Оксаниным мужем, кстати, мы большие друзья, но без дела я никогда к ним не прихожу. Вот если дочь позвонит, попросит посидеть с малышом, тогда обязательно приеду. Я и Женьке говорю, что никогда не полезу в его жизнь, но если уж ты сказал, что выехал домой, будь добр приехать. Да я могу и в четыре утра позвонить и спросить, куда он делся. Он мне: “Мам, ну чего тебе не спится?” А как я могу спать? Потому что надо предупреждать, что передумал домой ехать или задерживаешься. А ты говоришь — сорок лет. Дети есть?

— Есть.

— Вот доживешь до моего, и посмотрим, будешь ты на их сорок лет смотреть или нет! Кстати, он сам меня приучил к тому, что часто звонит. И когда Женька вдруг пропадает, я понимаю, что все не так, как всегда, и от этого нервничаю. Наверное, все мамы разные.

Маленькие детки

— Внуков хочется?

— А как же не хочется! Я и Жене говорю: успеть бы на внуков посмотреть! Он отвечает: “Успеешь. Все будет нормально, мам”. Мне ведь 64 года, и все идет к одному, поэтому надо иметь семью, чтобы кто-то ждал. А то придет в холодные стены, и горе тогда будет большое. Сейчас встречается с одной, может быть, все получится. Но я ни о чем не расспрашиваю, не лезу.

— Я к чему спросила, в одном из последних интервью народный артист Миронов неожиданно сказал о своем желании иметь детей.

— Сейчас на Оксану посмотрел, какая у нее круговерть идет, и немножко поостыл. Говорит, не думал, что дети так тяжело вырастают. Я смеюсь. А Оксанка действительно скоро от ветра качаться начнет, крутится-вертится. На одних руках тяжело. Днем я приезжаю, а ночью-то не могу.

— А няню нанять?

— Как можно? Это же чужой человек.

— Помните фильм “Где находится нефелет?”? Кажется, такие мамы, как вы, устривают смотрины всякие.

— Никогда. Если кого-то приводит, я даже ни разу не расспрашивала, кто и откуда. Я могу только спросить, хочет ли девушка есть, и чай подать или обед. Все. Это только его проблема. Жене ведь не восемнадцать. И мне кажется, он слишком требователен, что ли, или чересчур многое в женщинах видит. Почему-то мне думается, что, пока он востребован, сын вряд ли решится завести семью. Надо было в молодости жениться, когда ничего еще в жизни не соображаешь. А Женька мне на это всегда говорит, что если б женился, то уже развелся бы, потому что все так делают.

— Чем вы его кормите?

— Все самое обыкновенное: и кашу может съесть, и яичницу. Да ты посмотри на него — бегают, как кузнечик, и все равно боится лишней раз поесть.

— Диеты, что ли?

— Да нет. Хотя колбасу с утра есть не будет. Он ведь как говорит: “Мам, ну куда ты столько положила? Ты же знаешь, я сейчас снимаюсь, боксера играю”. Так ведь боксом последнее вытрясается!

— С кем ваш сын дружит?

— С Меньшиковым, с Вовкой Машковым.

Мы когда в общежитии жили, а у Вовки же матери не было, так я всегда старалась его накормить. С тех пор и дружат.

— Каким вы его видите лет через десять?

— Хорошим режиссером и хорошим человеком. Хочу, чтоб он не менялся и остался таким, какой он есть сейчас, — внимательным, интеллигентным, чутким. Снимать кино и помогать людям — это здорово. Недавно была третья акция (имеется в виду Акция по поддержке российских театральных инициатив, придумана Мироновым для поддержки провинциального театрального искусства. — Е.М.). Я очень горжусь, что он за это взялся.

Елена МИХАЙЛИНА.